

Книги Ника Перумова

КОЛЬЦО ТЬМЫ

ЭЛЬФИЙСКИЙ КЛИНОК

ЧЁРНОЕ КОПЬЁ

АДАМАНТ ХЕННЫ

ХРОНИКИ ХЬЁРВАРДА

ГИБЕЛЬ БОГОВ

ВОИН ВЕЛИКОЙ ТЬМЫ

ЗЕМЛЯ БЕЗ РАДОСТИ

ГИБЕЛЬ БОГОВ - 2

Книга первая. ПАМЯТЬ ПЛАМЕНИ

Книга вторая. УДЕРЖИВАЯ НЕБО

Книга третья. ПЕТЕЛ АСГАРДА

Книга четвёртая. АСГАРД ВОЗРОЖДЕННЫЙ

ТЫСЯЧА ЛЕТ ХРОФТА

Книга первая. БОРГИЛЬДОВА БИТВА

Книга вторая. МОЛОДОЙ МАГ ХЕДИН

ЛЕТОПИСИ РАЗЛОМА

АЛМАЗНЫЙ МЕЧ, ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ (в 2 т.)

ДОЧЬ НЕКРОМАНТА

Хранитель Мечей

РОЖДЕНИЕ МАГА

СТРАНСТВИЯ МАГА (в 2 т.)

ОДИНОЧЕСТВО МАГА (в 2 т.)

Война Мага

ДЕБЮТ

МИТТЕЛЬШПИЛЬ

ЭНДШПИЛЬ

КОНЕЦ ИГРЫ (в 2 т.)

СЕМЬ ЗВЕРЕЙ РАЙЛЕГА

ТЕРН

АЛИЕДОРА

ИМЯ ЗВЕРЯ (в 2 т.)

ТЕХНОМАГИЯ

РАЗРЕШЁННОЕ ВОЛШЕБСТВО

ВРАГ НЕВЕДОМ

ИМПЕРИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

ЧЕРЕП НА РУКАВЕ

ЧЕРЕП В НЕБЕСАХ

СОВМЕСТНЫЕ ПРОЕКТЫ

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ДРАКОНОВ (с С. В. Лукьяненко)

ЧЁРНАЯ КРОВЬ (с С. В. Логиновым)

МЛАВА КРАСНАЯ (с В. В. Кампой)

Ник ПЕРУМОВ

ГИБЕЛЬ БОГОВ-2

ПАМЯТЬ ПЛАМЕНИ
УДЕРЖИВАЯ НЕБО

Художник Владимир Бондарь

Москва
2016

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
П 26

Оформление серии *И. Саукова*

Иллюстрация на переплете
и внутренние иллюстрации *В.Бондаря*

Перумов, Ник.
П 26 Гибель Богов–2. Первая дилогия / Ник Перумов. – Москва :
Издательство «Э», 2016. – 624 с.– (Ник Перумов. Коллекция).

ISBN 978-5-699-76631-4

Закончилась война за Эвиал и Мельин, Спаситель и Дальние отступили, Хедин вновь обрел Сигрлинн, а Клара Хюммель и Сфайрат нашли семейное счастье в отдаленном мирке. Но для мирной жизни еще не настало времена: граница с Неназываемым постепенно отодвигается к обитаемым мирам, таинственные силы нарушили спокойное течение жизни Клары и ее семьи, а паломничество Хедина и Сигрлинн к источникам магии обрачиваются обнаружением новой опасности...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-76631-4

© Перумов Н., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ОТ АВТОРА

Эту книгу я начал писать много лет назад и с тех пор множество раз переписывал. Судьба Новых Богов, Хедина и Ракота, добившихся победы над былыми владыками Вселенной, Молодыми Богами — Ямертом и его роднёй, прослеживалась и в книгах цикла «Хранитель мечей», однако конфликт остался неразрешённым.

В «Гибели Богов — 2» очень много сюжетных линий и персонажей. Я не раз обещал своим читателям, что постараюсь показать завершение многих историй, начатых в более ранних книгах. Однако, когда имеешь дело с историей такой сложности и такого масштаба, нельзя ожидать, что в рамках «первого тома» будет сказано «всё и о всех». Состав действующих лиц будет меняться от книги к книге, в соответствии с развитием сюжета. А кто же есть, спросите вы тогда?

Есть наша старая знакомая Клара Хюммель и её муж, дракон Сфайрат. Есть крылатая воительница Гелерра, есть её соратники — гномы Арбаз и Креггер, тёмный эльф Ульвейн и другие, упомянутые среди подмастерьев великого Хедина.

Есть, конечно же, сам Познавший Тьму, есть Сигрлинн, вырвавшаяся из плена в конце «Войны мага», есть неистовый Ракот. Есть и новые лица, такие как молодой клирик Матфей Исидорти, помощник отца-библиотекаря в монастыре Сил Святых.

ЗАЧИН

Ветер гонит сплошное, без разрывов стадо серых медлительных туч. Им нет ни конца, ни края, от окоёма и до окоёма нет ничего, кроме лишь серо-стальной пелены. Лишь кое-где над серым морем вздымаются иссиня-чёрные пики. Они наги, ни снега, ни льда, словно неведомая сила препятствует исполнению всевечных природных законов.

В серой мгле, что царит над слоем непроглядных туч, едва различимо дневное светило. Его лучи бессильно тонут в заткавшей всё пространство пелене, и неведомо даже, есть ли что-то там, внизу, под облаками.

Но вот что-то дрогнуло, заколебалось, взволновалось в сплошных волнах бесцветного моря; мгла заклубилась, взвихряясь, расступаясь перед неким существом, поднимающимся по склону чёрного пика. Блеснуло тусклое золото — единственный живой цвет в серо-агатовом царстве.

Исполинский золотой дракон медленными извивами взирается по голому камню. Сейчас он напоминает скорее громадного змея, чем сказочное крылатое существо, и не-понятно даже, есть ли у него вообще крылья. Из широких ноздрей вырываются струйки пара, поблескивает мокрая чешуя.

Он достигает вершины, обвивает чёрный пик золотыми кольцами и замирает, вскинув устрашающего вида голову. Пасть распахнута, но не раздаётся ни звука. Зов — если он и звучит — недоступен слуху смертных или бессмертных.

Ответ не заставляет себя ждать. Под ударами могучих крыльев расступается, разлетается в стороны серая мгла,

в просторах неба возникает силуэт громадного орла, каких нет и никогда не может существовать в природе, никакие мышцы не поднимут в воздух такого исполина.

Орёл снежно-бел. Каждый взмах его крыльев, неторопливый с виду, покрывает поприща. Он спешит на зов золотого дракона, обвившего вершину мёртвой горы.

Чёрное, золотое, серое и белое.

Две сущности, два Столпа замирают друг против друга. Орёл не садится, он зависает в воздухе, крылья вздышаются и опускаются, коричневые глаза не отпускают взгляд золотого дракона.

Меж ними идёт разговор без слов и звуков. И если бы мы, смертные, смогли робко выглянуть из-за кулис, тщась ухватить хотя бы отрывки беседы великих, то, наверное, мы уловили бы вот что:

— Вспыхивают и гаснут солнца. Рождаются и умирают звёзды, чтобы, сбросив в огне прежнее обличье, дать начало новому. Вихри межмирового пламени несут смерть морям и равнинам, лесам и лугам в равной степени. Мёртвые пространства остаются таковыми бессчётные годы, пока великие мельницы сущего не сменят плоть отжившего мира, раздробив на мельчайшие атомы, что дадут начало новым мирам и звёздам. Нет в этом места ни жалости, ни состраданию, лишь голая, ничем не прикрытая необходимость.

— Но равновесие нарушено. Замедляются и застывают великие жернова, останавливаются зубчатые колёса и передачи. Незримые машины небес и подземелий, равно скрытые от смертных и бессмертных, перестают работать.

— Слишком глубоко проник в Упорядоченное Неназываемый. Он остановлен, но не отброшен. И волны расходятся всё дальше и дальше.

— Слишком многие также охотятся за человеческими душами, залогом возрождения и обновления. Спаситель встаёт на пути идущих к великому Орлу, и что случится, когда Он...

На спине золотого дракона разъярённо вздымается чешуйчатый гребень. Орёл гневно щёлкает клювом.

— Но что может помочь? Что оживит потоки магии, что придёт на подмогу тем, кто стоит насмерть, защищая существующее?

Отвечают оба, вместе, не глядя друг на друга:

— Кровь.

* * *

Шаги отдаются гулким эхом, раскатываются под краснокирпичными сводами, звуки разбегаются, словно в панике от его приближения. Хозяин замка идёт по сумрачным галереям, где в нишах вместо статуй застыли чучела диковинных многоногих созданий. Сохранённые изощрённой магией, тела кажутся живыми, только погружёнными в глубокий сон. Устрашающего вида когти, клыки и жвала словно готовы вот-вот прийти в движение, пробудиться к жизни. Если долго всматриваться в раскрытые глаза чудовищ, рано или поздно начнёт казаться, что зрачки то расширяются, то вновь сжимаются. Пристальный взор заметит едва ощутимую дрожь кожистых век, мельчайшие подвижки чешуйчатой брони. Твари на самом деле кажутся погружёнными в странное оцепенение — но кто, зачем и почему сделал это?

Шаги удаляются. Стихает их отзвук, и воцаряется зловещая тишина, лишь изредка нарушаемая какими-то странными звуками — едва слышным взбулькиванием, клокотанием, пощёлкиванием, скрипом, — словно чудовища ворочаются во сне, пытаясь разорвать невидимые цепи магии, что держат их крепче любых решёток и привязей.

Хозяин замка выходит во двор, пересекает его, ступая по пыльным каменным плитам. Двор пуст, нигде ни одной живой души. Впрочем, мёртвых душ тут не видно тоже, чучела остались внутри. Ворота, не сделанные, не выкованные, являются собой две громадные каменные плиты, поставленные стоймя, — и сейчас они настежь распахнуты. Поднята опуск-

ная решётка. Ржавчина покрыла цепи, барабаны и лебёдки подъёмного моста. Ров вокруг стен обмелел, оплыл, зарос мясистой осокой, тростником, кувшинками. Изредка рассекают воду, подняв над поверхностью треугольные головы, мирные водяные ужи, охотящиеся за лягушками.

Замок плывёт над мирами. Простирается вниз бездна, где-то там, «внизу», — реальность и межреальность, пространство и время, хрустальные сферы светил и потоки магических энергий, где-то там вьётся, извивается Великая Река Времени, где ведут вечную свою игру Драконы. Замок — над ними. Когда-то он был крепостью древних чародеев, ушедших Поколений Истинных Магов, и неведомо сколько вековостоял пустым. В нём оставались лишь чудища, безмолвные стражи пустой могилы.

Его новый хозяин задумчиво стоит у самого края провала. Островок, на котором воздвигнута крепость, песчинка в огромном просторе аэра, плывёт над переливающимися облаками, ежесекундно меняющими форму.

Над головой — крошечный кусочек неба. Настоящего неба, голубого, с двумя солнцами. Огненно-красным и ослепительно-золотым. Тучки пробегают от края до края небосклона, отталкиваются от ясно видимого окоёма, отлетают обратно в середину. Небо раскрыто, словно зонтик. Оно только над замком, над его шпилями и черепичной крышей.

Хозяин замка стоит над бездной. Руки упёрты в широкий пояс драконьей кожи. Тянутся секунды, расплавленное время течёт горячей лавой; где-то гибнут миры, где-то рождаются новые звёзды; Хозяин стоит. Он знает, что в угрюмых заводях Великой Реки, куда не решаются заплывать даже неугомонные Драконы Времени, его мгновения обернутся днями или даже неделями; и он знает, что мешкать больше нельзя.

«Пора», — шепчет ветер над острыми шпилями. «Пора», — поднимаются из бездны к нему бессчётные голоса, голоса тех, кому суждено жить и умереть, чья жизнь — лишь краткая вспышка неяркого огня в густом мраке Вечности.

«Пора», — слышит он бесплотные слова тех, с кем когда-то дружил и враждовал, с кем, бывало, сиживал за пиршественными столами и сходился грудь на грудь в сражениях — пока не стал тем, кто есть сейчас.

Пора, пора, пора. Грудь сжимает яростный восторг, восторг долгожданного боя. Время пришло. Всё сейчас благоприятствует успеху.

Он медлит ещё одно краткое, неразличимое мгновение, впитывая в себя остающийся позади замок, и его сумрачных обитателей, и облака над головой — всё, что он оставляет за спиной, — и одним духом, словно ныряльщик с утёса, бросается в бездну.

Мир, Астрал, Межреальность. Упорядоченное послушно расступается перед ним. И тело исчезает, чтобы миг спустя появиться в невообразимых провалах Сущего, там, где вновь вскипает кровавая пена боя, чтобы опять, в который уже раз, под чужою личиной, сойтись грудь на грудь. Задержать хоть на миг наступление того момента, который, хозяин знал, неизменно наступит. Но пока мы живы — мы будем надеяться, что победим смерть. Иначе мы не можем жить. Мы, смертные.

То же самое относится и к Богам. Если, конечно, это Настоящие Боги — в чём кое-кто может и усомниться.

Будет кровь.

Кровь...

ПРОЛОГ

Хедин, Бог Равновесия

Я редко сижу на месте. Упорядоченное не знает покоя, а вместе с ним не знаю покоя и я сам. Подобно тому, как в тысячелетнем изгнании я жадно отыскивал новое знание, странствуя от полюса до полюса и в Хъёрварде, и в иных мирах, добираясь до логова Лунного Зверя, — так и сейчас Межреальность раскрывает предо мной свои тропы; но, увы, всё реже и реже я, Бог, могу странствовать по одной лишь собственной свободной воле.

И верно. Ведь мы с Ракотом всего лишь «пленники на невесть сколько тысячелетий, пока не появится некто, ещё более сильный или дерзкий, и не свергнет нас».

У меня вырвались эти слова, когда уже отгремела битва в Обетованном, пали Молодые Боги, и Дух Познания, явившийся нам подле источника Урд, великий Орлангур, провозгласил: «Вступайте во владение, о Новые Боги!»

Новые Боги. Новые. Боги. Слова эти накрепко засели у меня в голове на целые бездны времени. Боги. А Боги должны...

Кому должны? — спросил бы иной киник. И получил бы выспренний ответ, мол, должны самому Упорядоченному, раз уж «оно выбрало нас», должны всему множеству смертных, разумных и нет, расселившихся по множеству миров.

Потребовалась кровавая битва за Брандей, летающий остров, с корнями вырванный из плоти Хъёрварда и перенесённый его хозяевами, слугами Хаоса, в Межреальность, по-

требовалось потерять и вновь обрести Сигрлинн, мою Сигрлинн, чтобы понять одну простую вещь.

Бог должен лишь самому себе.

Парадокс?

Ничуть не бывало.

Большой соблазн умалить самоё себя, сказав: мол, мы лишь слуги Упорядоченного, воплощающие его волю, что-то вроде верховных жрецов. Всегда хочется переложить груз на чужие плечи, прикрыться ещё чьим-то именем, спрятаться за бронёй непреложных законов, клятв, присяг и долгов.

Но Бог потому и Бог, что присягает не он, а присягают ему. И нам, паре бывших Истинных Магов, инструменту, созданному Упорядоченным — или Творцом, — предстояло самим сделаться теми, кому присягнут. Боги не могут существовать одни. Закон Равновесия, что проявлял себя всё сильнее с каждой эпохой, ничего не запрещал и ничего не прощал. Сила Бога не может растрачиваться на так называемые мелочи.

Научи другого, а не сделай сам. Научи тех, кому вставать на пути разрушения, распада и Хаоса. Не говори о добрे и зле, веди речь о сохранении сущего, а с добром и злом разумные разберутся сами.

Так появились мои подмастерья. Сами они называют себя моими учениками. Ученик же у меня только один — Хаген, последний из всех и формально давно Учителем быть переставший, но, пока бьётся его сердце, никого иного назвать Учителем я не в силах.

Однако задолго до того, как мы с Ракотом впервые сошлись лицом к лицу со Спасителем, до того, как вернулась Сигрлинн, пока ещё летел, рассекая простор Межреальности, мой тайный замок, погубленный Дальними¹, — мне довелось таки постранствовать, как в былые времена.

¹ См. роман «Война Мага. Конец Игры», т. 1.

...Выдалось затишье. Редкое, почти небывалое дело в позднейшем. Мы с Ракотом отбили козлоногих слуг Неназываемого; огляделись вокруг и — о чудо! Ничто не горело, нигде не рушились миры, и даже Спаситель куда-то скрылся, во всяком случае, в ближайших к Обетованному областях его не было, не появлялся Он и возле ключевых миров, миров, особенно важных для вечного сотворения всё новых и новых объёмов пустоты, нагого пространства, с незапамятных времён скармливаемого нами Неназываемому.

Нам не сиделось в тайных крепостях. Ракот, как обычно, лихо присвистнул, закинул на плечо исполинский двуручный меч и в излюбленном облике синеглазого и черноволого силача-варвара направился на очередную битву с очередным злобным колдуном; я же просто покинул замок, шагая куда ноги несут и куда глаза глядят.

Глаза глядели в дальние области, к самым рубежам Сущего и Хaosа; наверное, меня вела давняя вина, ведь когда-то, ещё до падения Ямерта и его родни, мне довелось почерпнуть сил у того поистине безбрежного океана, что омывает крошечный по сравнению с ним островок Упорядоченного.

...Здесь кончаются ровные и торные дороги Межреальности; разумеется, торные лишь для меня да ещё Ракота. Здесь нет устроенной тверди, здесь нет привычных нам миров со звёздами и светилами, с морями, горами и континентами. Здесь реальность кипит и плавится, здесь причудливо извивается сама Река Времени, и драконы, резвящиеся в её водах, становятся хищными, дикими и опасными. Сюда добирался когда-то, отыскивая союзников, Ракот, готовясь штурмовать само Обетованное, — в ту пору он звался ещё и Ракотом Восставшим, Повелителем Тьмы. Никого не нашёл и навсегда покинул эти негостеприимные места.

...Прошли эоны, и сюда вновь наведался уже я сам. Одна из привилегий Нового Бога, Бога Равновесия, — сквозь Межреальность ты пробираешься куда быстрее, нежели в ипостаси Истинного Мага.

Остались позади обитаемые области, «упорядоченное Упорядоченное». Ветры магии возле границ сущего особенно сильны, и я понимал, почему именно тут, близко к границам, Ракот выбрал место для своей тёмной цитадели, в Нижних мирах, мирах, наиболее близких к Хаосу.

...Здесь могли подниматься исполинские башни, недобро глядящие окрест тысячами узких бойниц. Мириады зорких глаз могли неусыпно озирать окрестности, готовые поднять тревогу. Здесь на тысячи лиг могли тянуться зубчатые стены, возвышающиеся настолько высоко, что задери голову — никакого взора не хватит углядеть верхний край и боевые парапеты. Щели бездонных рвов-пропастей рассекали подступы ко главным воротам и надвратным башням, и там, на страшной глубине, полыхали неугасимые костры. Отражение Больших Костров Ракота, разводимых перед его троном... Я помню всё это, я побывал на руинах твердыни моего названного брата — но сейчас представил это всё здесь с особенной чёткостью и яркостью. Я ведь тоже мог отправиться по той же дорожке. Познавший Тьму разве может не последовать за её же Повелителем?

Я не последовал. Тогда я спас себя, как оказалось — и Ракота, хоть и далеко не сразу.

Но что случилось бы, выступи мы тогда вместе? Повелитель Тьмы и Познавший Её же?

И именно в тот миг, паря над кипящей огнями бездной, над колосальным провалом в ткани Бытия, я впервые задумался, а что могло случиться, если б мы тогда объединились и победили. Тогда, без «воли Упорядоченного», без Великого Орлангура, так или иначе, но оказавшегося на нашей стороне? Что если бы мы взяли верх? И армии двух крепостей, двух твердынь, с двух сторон обрушившись на Обетованное, ворвались бы в цитадель Ямерта?

...Долгие столетия моего изгнания я не допускал никаких подобных мыслей. Приказал себе не думать и запретил думать. Я добывал знания, набирался горького опыта, зарабатывая

шрамы с ожогами — как видимые, так и нет, я составлял план своей собственной войны, а чтобы было легче — заставил самого себя накрепко поверить, что, даже выступи я в союзе с Ракотом, нас ждало бы неминуемое поражение, и тогда, развоплощённых, со Дна Миров нас не выручили бы уже никто.

Нет, оспорил я себя — я-нынешний, паря над великой бездной.

Сигрлинн. Уничтожив мою Ночную Империю, она увредила весь Совет Поколения, не исключая и самого проницательного Мерлина. А через них — и Ямерта с компанией. Смирилась бы она с нашей карой? Сочла бы её справедливой? Или тоже затаилась бы, составляя хитроумные планы, пока б не выступила в свою очередь? И тогда бы *она*, не мы, услыхала слова восьмизрачкового дракона: «Вступай во владение, о *Новая Богиня*!» Хотя нет, мы бы, скорее всего, тоже удостоились титула, подобно тому, как стал Новым Богом освобождённый мною Ракот.

Но насколько б всё тогда обернулось по-иному! И Сигрлинн не оказалась бы в плена у брандайцев, и ей не пришлось бы вести долгую и отчаянную двойную игру, будучи частью Западной Тьмы Эвиала! И, наверно, не был бы призван Неназываемый...

Я поймал себя на том, что ни на миг не усомнился ни в самой Сигрлинн, в том, что она и впрямь пришла бы к нам на помощь, ни в том, что ей удалось бы одержать верх в противоборстве с Молодыми Богами. Вместо коричневокрылого сокола над Упорядоченным пронёсся бы феникс, сотканный из чистого пламени. Стало бы от этого лучше? Или хуже? Или всё осталось бы так же?

Но Сигрлинн тогда, в те времена, ещё не было с нами. Здесь смешиваются мои воспоминания с нынешними мыслями. Нынешними — когда уже отгромела битва за Эвиал, слились два мира и Ракот заполучил Ученника, впервые за не весть какую бездну времени. Нынешними — когда вернулась Сигрлинн.